

В.Н. ЗАМУЛИН

СЕВЕРНАЯ УДАРНАЯ ГРУППИРОВКА ВЕРМАХТА ПОД КУРСКОМ НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ “ЦИТАДЕЛЬ”

Курская битва, несмотря на минувшие семь десятилетий, и сегодня продолжает привлекать большое внимание. Она явилась переломным этапом не только в борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками, но и во Второй мировой войне в целом. Тем не менее в отечественной историографии этого грандиозного события ряду ключевых проблем не уделено должного внимания. К таким малоизученным вопросам следует отнести численность ударных группировок вермахта и боевой состав их соединений перед наступлением на Курск. Хотя решение этих проблемы крайне важно как для понимания общего замысла летней кампании германских войск, и прежде всего сути операции “Цитадель”, определения потенциала войск, привлеченных для ее проведения, так и для оценки вклада армий каждого из шести советского фронтов, участвовавших в срыве последнего стратегического наступления вермахта на советско-германском фронте.

Причин этого несколько, наиболее важных – две. Во-первых, советским исследователям изначально был закрыт доступ к документам из западных архивов, так как в СССР содержащиеся в них сведения априори считались ложными. В 1946–1956 гг. военные ученые, обобщавшие боевой опыт в целях укрепления обороноспособности страны, были вынуждены использовать две группы источников: трофейные источники и материалы советских разведорганов (допросы пленных, перебежчиков и т.д.). Однако подлинные документы соединений вермахта, как правило, были разрознены и не давали общей картины событий, а показания военнопленных оказывались малоинформативными и часто недостоверными. Иные же материалы тактической и оперативной разведки Красной Армии грешили схематизмом и завышением потенциала противника. Особенно значительный объем недостоверных данных шел от разведслужб действующей армии в первый период войны, что заставило советское Верховное командование дважды (осенью 1942 и весной 1943 г.)¹ проводить их реорганизацию. Поэтому до 1991 г. все отечественные исследования по Курской битве базировались на источниках из наших архивов, а их достоверность по проблемам, касающимся войск вермахта, очень невысока. Иногда авторы использовали данные из публикаций “идеологически близких” или в крайнем случае “нейтральных” западных авторов, но они, как правило, играли лишь вспомогательную роль. Во-вторых, когда в 1990-х годах у российских ученых появилось больше возможностей работать в зарубежных архивах, то выяснилось, что для отбора, систематизации и анализа большого количества документации даже по такому не очень сложному вопросу, как состояние германских войск под Курском летом 1943 г., потребуется значительное время. Кроме того, получить весь необходимый объем источников для проведения всестороннего исследования оказалось непросто, прежде всего по финансовым причинам.

Замулин Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, сотрудник управления научно-исследовательских работ Курского государственного университета.

¹ См. приказ Народного комиссара обороны № 0072 от 19.04.1943 г. (Русский архив: Великая Отечественная война: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945), т. 13 (2–3). М., 1997, с. 127–129).

Тем не менее уже в начале 2000-х годов в России стали появляться первые публикации по этой проблеме. Однако касались они лишь ударных объединений группы армий (ГА)² “Юг” – 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота и армейской группы “Кемпф”³ генерала танковых войск В. Кемпфа. Как известно, германское командование планировало окружить Центральный и Воронежский фронты на Курской дуге двумя встречными ударами. Из этих объединений севернее Белгорода формировалась южная группировка. После прорыва обороны Красной Армии она должна была соединиться под Курском с северной, наступавшей от Орла и состоявшей из 9А генерал-полковника В. Моделя. Таким образом, в ходе наступления все три объединения играли ключевую роль. Летом 1944 г. 9А попала в большой “котел” под Минском, и в качестве трофеев был захвачен большой массив ее боевых документов, которые потом поступили в Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Сегодня они составляют внушительную часть его трофейного фонда. Остальные были частично уничтожены, но основную ее часть командованию удалось переправить в Германию, откуда они в 1945 г. попали в Национальный архив США. Массив, хранящийся в ЦАМО РФ, состоит из документации оперативного характера (оперативного и разведывательного управления штаба, касающейся непосредственно боевых действий), статистических же материалов или отчетов практически нет. Вероятно, это тоже сыграло немалую роль в том, что, несмотря на наличие большого объема источников по 9А за 1943 г., о боевом потенциале именно этого объединения вермахта и перед, и в ходе Курской битвы мы знаем сегодня меньше всего.

Более 10 лет мне довелось работать в Национальном архиве США с материалами его трофейного фонда по Второй мировой войне. Обнаруженные в ходе этого исследования новые, ранее не выводившиеся в научный оборот материалы и легли в основу предлагаемой статьи.

Итак, каков же был боевой и численный состав войск Моделя в преддверии операции “Цитадель”? В отечественной и зарубежной литературе этот вопрос поднимался не раз, но значительная часть данных, приводимых в публикациях и монографиях, разнится даже по основным показателям. Советские историки, как правило, использовали обобщенные цифры или по всей немецкой группировке в районе Курской дуги (т.е. 4ТА, 9А и АГ “Кемпф”), или же по всей ГА “Центр”, войска которой обороняли, в том числе и орловскую дугу, без выделения данных по 9А. Однако и здесь единого мнения нет. Например, авторы первого советского открытого труда по Курской битве Г.А. Колтунов и Б.С. Соловьёв определяют общую численность солдат и офицеров ГА “Юг” и “Центр”, которые привлекались для “Цитадели”, “около 900 000”⁴. А их коллеги из Института военной истории пишут уже “свыше 900 000”, причем, по их мнению, Модель располагал 22 пехотными и танковыми дивизиями⁵.

В начале XXI в. отечественные ученые продолжают горячо обсуждать этот вопрос. Л.Н. Лопуховский утверждает: “В состав северной [группировки] вошли: 9-я армия и

² Ниже в статье используются следующие сокращения: А – армия; АГ – армейская группа; ак – армейский корпус; гв. – гвардейский (-ая); “ГЭ” – “группа Эзебека”; дпсау – дивизион противотанковых самоходных орудий; дшо – дивизион штурмовых орудий; дшт – дивизион штурмовых танков; мд – моторизованная дивизия; мп – моторизованный полк; отбр – отдельная танковая бригада; отгб – отдельный тяжелый танковый батальон; пд – пехотная дивизия; ПТО – противотанковая оборона; ррусм – рота радиоуправляемых сапёрных машин; САУ – самоходная артиллерийская установка; сд – стрелковая дивизия; ТА – танковая армия; тд – танковая дивизия; тк – танковый корпус; шд – штурмовая дивизия.

³ Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2005; Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М., 2007, *его же*. Забытое сражение Огненной дуги. М., 2009.

⁴ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.С. Курская битва. М., 1970, с. 47.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки, кн. 2. М., 1998, с. 253, 254, 259.

часть сил 2-й армии..., всего 26 дивизий, 460 тыс. человек”⁶. А в труде уже упомянутого Института военной истории “Огненная дуга” названа новая цифра, значительно не совпадающая даже с той, что приводилась его сотрудниками ранее – 24 пехотных, 6 танковых и 1 моторизованная дивизии при общей численности 460 тыс. чел.⁷

Следует отметить, что Г.А. Колтунов, участник битвы под Курском, был единственным советским историком, который на протяжении длительного периода настойчиво пытался разобраться в проблеме численности ударной группировки Моделя, и не без успеха. По его данным, в 10 дивизиях первого эшелона 9А, перешедших в наступление 5 июля 1943 г., действовало 160 тыс. чел.⁸ Если не учитывать ошибочное число дивизий, указанное им, а лишь сложить личный состав всех соединений армии, действительно находившихся в этот день в первом эшелоне, то цифра практически совпадет с действительной, разница на несколько сот человек. Причем надо учитывать, что этот теоретический расчет был сделан еще в начале 1970-х годов лишь на основе трофейных документов из ЦАМО РФ и собственного опыта.

Ряд зарубежных авторов также обращались к этой проблеме, но и им в полной мере решить задачу пока не удалось. Например, Д. Гланц и Д. Хауз приводят практически верную цифру общей численности 9А к началу Курской битвы – 335 тыс. чел.⁹, но с ней трудно работать. Она не дает представления ни о численности тех или иных дивизий, ни о боевом составе ее ударных соединений, поэтому невозможно понять степень недоукомплектованности как всей армии, так и ее отдельных соединений. Таким образом, эта цифра не помогает ответить на вопросы: какие же силы были непосредственно задействованы Моделем как в целом при ударе на Курск, так и на отдельных направлениях в ходе прорыва тактической полосы Центрального фронта?

Основная причина появления разных цифр всё та же – неполная база архивных источников. Обратимся к донесениям штаба 9А командованию ГА “Центр” и Сухопутных сил Германии (ОКХ), обнаруженным в Национальном архиве США. Итак, на 1 июля 1943 г. армия Моделя располагала пятью корпусами – двумя армейскими (20-м и 23-м) и тремя танковыми (41-м, 46-м, 47-м). Они объединяли в своем составе 18 дивизий¹⁰: 14 пехотных и штурмовых (6, 7, 31, 45, 72, 86, 102, 137, 216, 251, 258, 292, 383 пд и 78 шд) и 4 танковых (2, 9, 18, 20 тд). Кроме того, в качестве общевойскового резерва 46 тк получил “группу Мантойфель” (9, 10, 11 егерские батальоны), а 23 армейский – 87-й пехотный полк 36 пд, 8 и 13 егерские батальоны. В результате общая численность 9А составила 331 131 человек¹¹, в том числе: 9316 офицеров, 2638 служащих (вольноопределяющихся в офицерском звании), 59 296 унтер-офицеров и 259 881 рядовых. В эту цифру не включены 3421 офицер, служащий и рядовой, находившиеся в санитарных частях на 1 июля 1943 г., а также личный состав 18-го тяжелого минометного полка и 312 роты радиоуправляемых саперных машин, штабы которых вовремя не представили донесение. Поэтому на основе архивных источников их численность пока установить не удалось.

Кроме того, для усиления ударной группировки Моделя в случае успешного развития наступления командующий ГА “Центр” фельдмаршал Г. фон Клюге сформировал резерв в составе одной моторизованной дивизии (10 мд, без танков) и “группы Эзебека”¹² (4 и 12 тд), хотя к началу Курской битвы эти силы подчинялись напрямую фельдмаршалу и считались его личным резервом. На 4 июля 1943 г. во всех дивизиях,

⁶ Лопуховский Л.Н. Указ. соч., с. 27.

⁷ Огненная дуга. М., 2003, с. 596.

⁸ Военно-исторический журнал, 1968, № 6, с. 67.

⁹ Гланц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2006, с. 356.

¹⁰ Кроме того, 9-я армия имела в своем составе две охранных дивизии: 203-ю под командование генерал-лейтенанта Р. Пильца и 211-ю – генерал-лейтенанта Х. Лендля.

¹¹ National Archives and Records Administration USA (NARA), t. 312, r. 322, f. 7890947.

¹² Группа названа по фамилии ее командира генерал-лейтенанта Г.-К. фон Эзебека.

предназначенных для “Цитадели” (кроме 12 тд¹³), и в двух резервах (23 ак и “группе Мантойфель”¹⁴) находилось всего 191 755 человек (дивизии – 189 786, резерв – 8312).

Таким образом, согласно штатному расписанию на 1 июля 1943 г., 9А имела общий некомплект 48 233 человека, в том числе 42 658 – в дивизиях и 5575 – в частях корпусного и армейского подчинения¹⁵. В эти цифры вошли следующие категории военнослужащих: рядовые для строевых частей и соединений – 23 606 (21 583 – для дивизий, 2023 – для армейских и корпусных частей), рядовые общего резерва для запасных полевых батальонов дивизий – 3007, хиви¹⁶ – 15 198 (12 564 и 2634) и немецкие солдаты на должности хиви – 6422 (5504 и 2634).

Для армии, готовившейся к генеральному наступлению, такой некомплект являлся существенной проблемой. Судя по трофейным источникам, и Модель, и Клюге, и руководство ОКХ это понимали. Но из-за общего дефицита живой силы в Германии до начала операции решить ее так и не удалось. Хотя надо признать: для этого сделано было немало. Непосредственно перед “Цитаделью” недокомплект рядового состава предполагалось снизить примерно на треть. 30 июня ОКХ сообщило начальнику штаба армии полковнику Х. фон Эльверфельдту, что для 9А занаряжено 9 маршевых батальонов (5,5 – для пехотных дивизий и 3,5 – для танковых) общей численностью от 5 до 7 тыс. чел. Их прибытие в Орел планировалось до дня “Х” (5 июля 1943 г.). Поэтому уже в ночь на 1 июля в войска ушло распоряжение о распределении этого личного состава. Согласно документу, непосредственно на передовую должны были направить меньше половины новобранцев: «В скором времени ожидается прибытие пополнения. Его следует использовать для пополнения нехватки личного состава в первой линии в: 137 пд – 450 человек, 251 пд – 450, 6 пд – 600, 10 тд – 300, 258 пд – 300, 292 пд – 300, а также для направления в унтер-офицерские школы в качестве дивизионного резерва. В частности, 1,5 маршевых батальона должны пройти обучение в технической школе. Часть составить основу учебного батальона в Локте и резерва группы “Вайс” с непосредственным подчинением 20 ак. Один маршевый батальон направить в техническую школу в Брянске для обучения в панцер-гренадерском учебном батальоне. За обучения двух оставшихся маршевых батальонов (панцер-гренадерских) возложить ответственность на “штаб Брайтенбуха”¹⁷. Оба батальона разместить в районе Кром»¹⁸.

Однако уже через двое суток поступило новое сообщение о том, что пополнение прибьет между 5 и 9 июля, а в войска оно начнет подходить лишь к исходу 9 июля, т.е. после того, как основные боевые действия в полосе армии (в рамках “Цитадели”) завершатся. В частности, 216 пд 23 ак, которая понесет существенные потери в ходе наступления, 9 июля получит маршевый батальон № 124 общей численностью 963 человека¹⁹.

Существовали серьезные проблемы и с качеством призывного контингента. Высокие потери заставили командование вермахта снизить планку требований к новобранцам. В это время даже в полевые войска СС уже поступали не отобранные из чистокровных арийцев или близких к ним народов (согласно расовой теории) доб-

¹³ По этой дивизии документальный фонд скуден, на основе архивных источников пока удалось установить лишь ее боевой состав на 4 июля 1943 г. – 4456 человек.

¹⁴ Группа названа по фамилии ее командира полковника Г. фон Мантойфеля.

¹⁵ NARA, т. 312, г. 322, ф. 7890924.

¹⁶ Хиви – “добровольные помощники вермахта”, набирались (принудительно мобилизовывались) из местного населения советских оккупированных территорий и военнопленных. С октября 1942 г. в штате немецкой пехотной дивизии введено соотношение на 10 708 военнослужащих – 2005 хиви, через год хиви были включены в стандартный штат пехотной дивизии.

¹⁷ Тыловая структура армии, сформированная на базе 47 тк.

¹⁸ NARA, т. 312, г. 322, ф. 7890980, 7890981.

¹⁹ Ibid., г. 689, ф. 000405.

ровольцы, а все подходящие по здоровью мужчины из оккупированных стран, в том числе не отнесенных к “нордической расе”: поляков, чехов, словенцев и т.д. В то же время крупные провалы на фронте серьезно поколебали веру в победу рейха, в оккупированных странах росли антивоенные настроения, их население стремилось любым путем избежать участия в мировой войне. Поэтому в вермахте, относительно прежних лет, возросло число дезертиров и перебежчиков, а это первый показатель падения духа войск и потери ими внутреннего стержня.

В документах германской армии дезертирство фиксировалось на протяжении всей войны, но в различные периоды его масштаб был разным: до начала 1943 г. его размах можно оценить как несущественный. Это объяснялось, во-первых, мощным воздействием пропаганды, во-вторых, пониманием самими военными той степени злодеяний, которые они творят в СССР, и то, что за это им по любым законам полагается, и в-третьих, не столь значительным числом рекрутов из оккупированных стран в составе действующей армии на советско-германском фронте. После Сталинграда ситуация изменилась. Заметно возросли неуверенность солдат и даже младших офицеров в возможности победы в войне и, как следствие, возраставшее стремление спасти свою жизнь. Вместе с тем в больших масштабах в вермахт поступало пополнение из “фольксдойче”²⁰, славян и даже русских, а также призывников из таких, даже по оценкам немецких офицеров, традиционно “неустойчивых” земель, как Эльзас и Лотарингия. Причем контингентом, призванным от захваченных стран, как правило, пополнялись пехотные дивизии. Перед началом Курской битвы в некоторых из них, например в 168 пд ГА “Юг”, иностранцы составляли до 40% из общей численности²¹.

В некоторых зарубежных изданиях можно встретить утверждение, что к началу “Цитадели” пораженческие настроения в обеих немецких группах армий под Курском были изжиты. «Период распутицы, сокращение линии фронта и следовавшие затем периоды затишья были для немецких дивизий очень кстати, – пишет К. фон Типпельскирх, – “Сталинградский шок”, и раньше ощущавшийся лишь в войсках наиболее сильно пораженного им южного участка фронта, был в конце концов преодолен и там»²².

Вероятно, бывшему генералу вермахта очень хотелось выдать желаемое за действительное, вот и появился в его работе этот далекий от реальности пассаж о якобы локальных случаях упаднических настроений зимой и в начале весны 1943 г. Документальные источники обеих сторон рисуют иную картину во всех соединениях германской армии на Востоке. В этой связи показательным является приказ ГА “Юг” от 13 апреля 1943 г., в котором от командования армий требовалось: “В дивизиях, прибывших с запада, необходимо внимательно следить за потерями. В случае, если в результате первых боестолкновений их численность сократится до 80 человек в роте, возникнет угроза утраты их боеспособности, т.к. их моральное состояние делает их чувствительными к потерям”²³. Интересная деталь, об этом документе штаб 4ТА вспомнил за несколько суток до Курской битвы и потребовал от командования уже дивизий его строгого выполнения. Трудно представить, чтобы приказ касался, например, корпуса СС, он ведь тоже прибыл с запада, хотя настрой на победу его личного состава был неизмеримо выше, чем в соединениях вермахта. Но ясно одно: даже перед “Цитаделью” боевой дух солдат повсюду начал падать, и немецкое командование искало любые средства, чтобы остановить этот процесс.

Если проследить эволюцию морально-политического состояния германских войск, например, находившихся перед Центральным фронтом с марта до конца июня, то по советским разведанным, действительно прослеживается тенденция к укреплению дисциплины и боевого духа войск. Однако утверждать, что к началу Курской битвы

²⁰ Этнические немцы до 1945 г., жившие за пределами Германии.

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 2, с. 258.

²² *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб., 1994, с. 23.

²³ NARA, t. 312, r. 365, f. 8650576.

пораженчество было изжито – явное преувеличение. Из справки разведотдела штаба 13А о состоянии войск противника перед ее фронтом на 28 июня 1943 г.: «Настроение большинства немецких солдат довольно подавлено, чувствуется усталость от затяжной войны. Поражение немецких войск, понесенное зимой 1942–1943 г., подорвало у солдат веру в возможность победы Германии. Особенно такие настроения распространены среди солдат, призванных из резерва (старшие возраста), и солдат не немецкой национальности. Та часть солдат, которая еще продолжает верить в победу, все свои надежды возлагает на летнее наступление 1943 г. Но у этих солдат нет полной уверенности в благоприятном исходе войны для немцев. Так, например, по показаниям солдата 59 мп 20 тд Дерингера, среди солдат идут разговоры: “Если летнее наступление 1943 г. сорвется, то зимой немцам придется отступить до Польши, и война будет проиграна”.

Затянувшееся затишье на фронтах в СССР действует на солдат угнетающе. Они говорят: “Лучше двигаться на запад, чем стоять на месте”. (Из показаний солдата 78 шд Франца Юрковича). Среди последних пополнений в 9А противника вливается большое количество солдат не немецкой национальности или немцев с территории, не входившей ранее в состав Германии (словенов, люксембуржцев, эльзасцев), которые в большинстве своем настроены пораженчески и не хотят воевать за немцев. Перебежчик из 215 штурмового полка 78 штурмовой дивизии Кугель Франц заявил: “Я не солдат, а люксембуржец”. Поэтому он говорит, что не желает воевать за Германию. Эти пораженческие настроения часто исходят из тыла, в письмах от родных. Большое воздействие на ухудшение морально-политического состояния немецких солдат продолжают оказывать бомбардировки англичанами западных областей Германии»²⁴.

О снижении боевого духа свидетельствуют и трофейные источники. В них отмечается опасная для вермахта тенденция увеличению случаев добровольного перехода на сторону Красной Армии военнослужащих-немцев. Например, 17 июня 1943 г. оперативное управление штаба 9А донесло в группу армий, что в 78 шд произошло чрезвычайное происшествие: к русским перебежало шестеро немцев, среди них четверо “фольксдойче”. Подобного рода происшествия случались и раньше, и рассматривались они как серьезные. Руководству разведки армии было поручено тщательно расследовать его причины, а тыловикам велели задержать запланированную отправку на фронт около 150 призывников “фольксдойче”. Кроме того, штаб Эльверфельдта потребовал более тщательно изучать прибывающее пополнение в учебных частях²⁵. Свидетельством того, что эта тенденция шла по нарастающей, явился переход на сторону Красной Армии уже в ходе операции “Цитадель” ряда военнослужащих 9А, среди которых будет и исполняющий обязанности командира 2-го батальона 11-го моторизованного полка 9 тд обер-лейтенант Г. Франкенфельд²⁶, по национальности немец. Представить такое, например, в 1942 г. трудно.

И тем не менее следует отдать должное нашему противнику: немецкая военная машина в это время, хотя и с возрастающим напряжением, но работала все еще исправно. Поэтому советская армейская разведка справедливо указывала на то, что “в целом политико-моральное состояние частей противника, действующих против 13А, остается удовлетворительным”²⁷.

А теперь рассмотрим численность ударной группировки Моделя, т.е. войск, выделенных непосредственно для проведения “Цитадели”. В операции планировалось использовать все соединения армии, кроме 20 ак и 102 пд из 46 тк, которые, тем не менее, должны были поддерживать наступающих соседей своими огневыми средствами с места. Следовательно, в состав боевого клина вошли 18 дивизий: 13 армейских (4 танковых (2, 9, 18 и 20), 9 пехотных и штурмовых (6, 7, 31, 86, 216, 258, 292, 383

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 361, оп. 6081, д. 53, л. 343.

²⁵ NARA, t. 312, r. 321, f. 7886129.

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 361, оп. 6081, д. 54, л. 19–21.

²⁷ Там же, д. 53, л. 343об.

и 78)), 3 – из резерв ГА “Центр” (10 мд без танков), а также 2 – из “группы Эзебека” (4 и 12 тд). Списочный и боевой состав этих соединений на 4 июля 1943 г. приведен в таблице № 1.

Кстати, в мемуарах Э. фон Манштейн отмечает, что ГА “Центр” для наступления выделила якобы не одну, а две моторизованные дивизии²⁸. А.В. Лобанов называет даже ее номер – 20 и добавляет, что она вместе с 8 тд находилась в резерве Клюге²⁹. Возможно, фельдмаршал имел в виду 36 пд. Она действительно была моторизованной, но задолго до начала Курской битвы. Уже с середины 1942 г. это соединение комплектовалось как обычное пехотное, хотя и именовалась моторизованной дивизией, а к началу июня 1943 г., вероятно, ее переименовали, так как в трофейных документах 9А за июль она уже проходит, так же как и ее полки, пехотной. Что же касается 20 мд, то в архивных источниках за период “Цитадели” такое соединение в орловской дуге не упоминается.

Как видно из приведенных данных, Модель сформировал костяк ударного клина по иному принципу, чем его сосед Манштейн. Основу его группировки составляли не танковые, как в ГА “Юг”, а пехотные дивизии³⁰, в которых числилось 118 583 военнослужащих (с учетом пяти егерских батальонов их боевой состав насчитывал 39 212 человек), т.е. 35,8% от общей численности армии, или 61,8% от личного состава, привлечавшегося для “Цитадели” (без учета 12 тд). Средняя численность одной пехотной дивизии оставалась низкой и составляла 11 853 человека, при боевом составе 3578 и средней численности одного пехотного батальона 392 военнослужащих. Из всех дивизий по численности заметно выделялась только 78 штурмовая, которая была самой многочисленной в армии. На 4 июля 1943 г. она располагала 15 961 военнослужащим, при боевом составе 4545 и средней численности одного батальона (из шести) – 660 человек. А самой слабой являлась 216 пд, в ней числилось 10 059 солдат и офицеров, при боевом составе 2802 и средней численности пехотного батальона (из шести) 354.

Тем не менее даже при не полностью укомплектованном штате средняя пехотная дивизия 9А по общей численности превосходила однотипное соединение Центрального фронта (стрелковую дивизию) примерно на 4 тыс. чел. Однако, если учесть, что именно пехотные дивизии должны были решить главную задачу первого, наиболее важного, этапа “Цитадели” – пробить советскую глубоко эшелонированную оборону, то эти цифры не выглядят значительными, и становится понятным, почему Модель на протяжении всей подготовки к наступлению настойчиво ставил и перед Клюге, и перед ОКХ два основных вопроса: усиления армии тяжелой бронетехникой прорыва и живой силой для пехотных соединений. Кроме того, пехотные дивизии располагали и довольно скромными артсредствами. К 27 июня все пять корпусов 9А имели 1189 орудий, в том числе 620 легких, 477 тяжелых и 92 зенитки. Их основная масса находилась в четырех ударных соединениях. В 20 ак числилась всего лишь 161 пушка и гаубица (120/41), или в среднем 40 стволов на дивизию³¹. Это был самый низкий показатель по армии. Для сравнения, например, не самая сильная дивизия первого эшелона 13А Центрального фронта, 8 сд, располагала только штатными 294 артединицами (140 орудий, 125 ствольных минометов и 22 реактивных установки М-8), а со средствами усиления – 407 (соответственно 202, 169 и 22)³².

В танковых дивизиях (кроме 12 тд) находилось всего 64 870 человек, т.е. 19,6% от наличных сил армии, или более 33,8% личного состава ее ударной группировки и резерва Клюге для 9А. Подвижные соединения (кроме 12 тд) были более многочисленны, чем пехотные (за исключением 78 шд), они насчитывали в среднем 12 974 солдат и офицеров при среднем боевом составе 3506. Наиболее сильной являлась 2

²⁸ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 2003, с. 522.

²⁹ Военно-исторический журнал, 2003, № 8, с. 10, 12.

³⁰ Учитывая, что 10 мд и 78 шд не имели танкового полка, при подсчете они отнесены к пехотным соединениям.

³¹ NARA, т. 312, г. 322, f. 7891349.

³² ЦАМО РФ, ф. 62, оп. 321, д. 139, л. 39.

тд, в которой по списку числилось 14 234 человека (в боевом составе 3571), а самой слабой – 18 тд, имевшая в строю 12 028 человек (3479). Для проведения крупной наступательной операции это были приемлемые показатели, хотя, например, танковые дивизии ГА “Юг” имели большую численность.

Ситуация с анализом численности танков и штурмовых орудий в частях и соединениях 9А перед Курской битвой очень похожа на то, как освещена проблема ее укомплектованности живой силой. В советской историографии приводилась лишь общая цифра бронетехники, которая была собрана в двух группах армий для операции “Цитадель” – 2700 единиц³³, без детализации по армиям и тем более по дивизиям. Откуда эти данные почерпнуты, непонятно, так как авторы сносок не давали. Цифра бронетехники в армии Моделя перед началом наступления российскими учеными впервые была опубликована в 1998 г. В упомянутом выше многотомном труде сотрудники Института военной истории указывают, что 9А располагала 746 танками, из них 45 “тигров” и 280 штурмовых орудий³⁴. Но и у этих данных отсутствует ссылка на источники, что, безусловно, снижает степень доверия к ним. В последующие годы в публикациях отечественных авторов новых данных не приводилось. За рубежом к этой проблематике также проявляется интерес, только за последние 20 лет к ней обращались Т. Энц, Н. Цеттерлинг и А. Франксон, Д. Гланц и Д. Хауз. Но и там единого мнения пока нет, а большинство авторов тоже приводят цифры без указания источников. Причем при самом беглом сравнении их данных с архивными материалами выявляется существенное разночтение. Например, непонятно почему американские исследователи Д. Гланц и Д. Хауз утверждают, что каждый дивизион штурмовых орудий 9А, кроме 909-го, который авторы, кстати, вообще не учитывают в составе 9А, располагал 36 штурмовыми орудиями³⁵. Хотя в то время по штату они должны были иметь 31 единицу. О том, что это требование в войсках в основном выполнялось, свидетельствуют и трофейные источники из Национального архива США³⁶. Исключение составлял лишь 185-й дивизион, в котором на 1 июля 1943 г. числилось 32 САУ. Такая же “разногласица” наблюдается и с цифрами по танкам. Опираясь главным образом на архивные материалы 9А, ранее не вводившиеся в научный оборот, а также на работу Н. Цеттерлинга и А. Франксона³⁷, которая, на мой взгляд, самая достоверная в настоящее время, мне удалось определить численность всех частей и соединений ГА “Центр”, выделенных для “Цитадели”. Собранные данные приведены в таблице № 2.

По состоянию на 1 июля 1943 г. в четырех корпусах Моделя числилось в общей сложности 783 бронеединицы, из них 420 танков (в том числе 31 “тигр”) и 363 штурмовых орудия (вместе с САУ ПТО “фердинанд”). Кроме того, в “группе Эзебека” находилось 164 танка. Таким образом, для проведения операции ГА “Центр” на 1 июля 1943 г. располагала 947 боевыми машинами (584 танка, 363 штурмовых орудия и “фердинанда”).

Танки 9А в основном были сосредоточены в четырех дивизиях – 513 единиц, 505 оттб – 46 и 656-м противотанковом полку – 25. Средняя численность дивизии составляла 87 боевых машин, или 81% от штата³⁸. Самой мощной была 2 тд, располагавшая 118 боевыми машинами, в том числе 6 командирских и 12 легких, устаревших Pz.II, которые в открытом бою использовать было нельзя. Наиболее малочисленной являлась 18 тд, в которой находилось 69 боевых машин, из них 5 командирских.

И тем не менее считаю нужным оговориться, что и эти цифры могут быть в дальнейшем уточнены. В ходе работы с архивными материалами выяснились два аспекта,

³³ См., например: Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Указ. соч., с. 47.

³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 2, с. 254.

³⁵ Giantz D., House J. The Battle of Kursk. Lawrence, 1999, p. 349.

³⁶ NARA, t. 314, r. 689, f. 000383.

³⁷ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London – Portland, 2000.

³⁸ Расчет сделан с учетом 13 танков 12 тд, переданных в 656-й противотанковый полк и 505 оттб “тигров”, т.е. 88 машин.

которые с большой вероятностью будут способствовать решению задачи. Во-первых, из-за острого дефицита бронетехники шло ее перераспределение как между частями и соединениями внутри ударной группировки Моделя, так и между его армией и “группой Эзебека”, которая подчинялась Клюге. Причем не во всех боевых донесениях каждое решение о передаче техники фиксировалось. Например, после того как штаб ГА “Центр” 21 июня уведомил полковника Х. фон Эльверфельдта о том, что обещанных “пантер” армия не получит, ее командующий попытался хотя бы полумерами сгладить остроту ситуации с бронетехникой в первом эшелоне. 27 июня он распорядился, “чтобы сверхштатные Pz.III с пушкой L60 (d³⁹) были вновь возвращены в 505 отб”⁴⁰. Однако эти сведения удалось обнаружить лишь в журнале боевых действий, в боевых же донесениях об этом распоряжении Моделя не упоминается. Практически половина боевых машин 12 тд “группы Эзебека” была передана соединениям 9А. Из 88 танков, которые числились в ней на 1 июля: 12Т-3к находились в 656 противотанковом полку, 8Т-4d и 1 Pz.IIIk – в 258 пд, 1 Pz.IIIk – в 102 пд, 7 Pz.IIIд и 1 Pz.IIIk – в 505 отб, 1 Pz.IVк – в учебном подразделении в Брянске, 4 Pz.IVd – в краткосрочном ремонте⁴¹, а 3 Pz.I – в краткосрочном ремонте. Причем перед Курской битвой об этом мы находим упоминание лишь в одном донесении дивизии на 19.15 1 июля 1943 г. Поэтому не исключено, что в дальнейшем могут выявиться подобные рокировки в других дивизиях, неизвестные сегодня. Во-вторых, часть бронетехники поступала в армию буквально за несколько суток до начала боев и фиксировалась различными ведомствами. Поэтому, учитывая значительное количество документации и по 9А, и ГА “Центр”, нельзя с уверенностью утверждать, что, например, за сутки – двое перед наступлением в ту или иную дивизию не поступили новые боевые машины, которые сегодня нами не обнаружены. Кроме того, за четверо суток из ремонтных в боевые подразделения могло поступить какое-то число танков, которые не указывались в боевых донесениях. В результате общая цифра, хотя и несущественно, но может возрасти.

Впрочем, это предположение в большей мере все-таки относится к соседу Моделя, группе Манштейна. Здесь значительное количество бронетехники поступало вплоть до начала боевых действий. Так, например, если судить по графику подхода техники в 4ТА, который ее штаб направил в ГА “Юг”⁴² 1 июля 1943 г., то на этот момент из двух батальонов “пантер” прибыл лишь один 51-й (104 Pz.V), а 52-й (100 Pz.V) все еще находился в пути и должен был подойти примерно 3 июля. О времени его прибытия документов пока обнаружить не удалось, известно лишь, что в донесении 48 тк 4 та на 19.15 2 июля он еще не числился в его составе⁴³. Если учесть, что время превышения графика поступления рот 51 ттб (на станции Богодухов, Новая Бавария, Одноробовка) колебалось от 7 до 15 часов, то с большой долей уверенности можно утверждать, что батальон мог прийти накануне Курской битвы.

Что касается бронетехники, которая могла быть передана 9А уже непосредственно в период наступления с 5 по 11 июля 1943 г. как отдельными партиями, так и в составе дивизий, то, судя по обнаруженным документам, ее оказалось крайне мало. Единственным существенным пополнением стал подход 8 июля уже упомянутых 14 “тигров” 3-й роты 505 отб. Была еще одна относительно крупная партия бронетехники, о которой армия получила сообщение 8 июля. Она состояла из 24 150-мм САУ “бизон” (slG 33) для 2 и 4 тд, 10 штурмовых танков Stu Pz.IV “Брумбэр” для 216 дивизиона, 2 командирских танка для 2 тд, 12 САУ “Шмель” для 12 и 18 тд, а также 6 легких бронетранспортеров с орудиями для 18 тд⁴⁴. Однако прибытие ее ожидалось только 9–10 июля, а в войска – на сутки – двое позже, поэтому вся эта техника принять

³⁹ Д – с длинноствольной пушкой, к – с короткоствольной.

⁴⁰ NARA, t. 312, r. 317, f. 788136.

⁴¹ Таковым считался ремонт, требующий не более 14 часов.

⁴² NARA, t. 313, r. 368, f. 8654240.

⁴³ Ibid., f. 8654350.

⁴⁴ NARA, t. 312, r. 322, f. 7890982.

участие в наступлении не смогла, а значит, и учитывать ее при оценке состояния армии в ходе “Цитадели” не следует.

Помимо танков в ходе наступления 9А значительная роль отводилась штурмовым орудиям. Как свидетельствуют данные из таблицы № 1, они составляли чуть больше 38% от общей цифры бронетехники ударного клина.

При планировании боевого построения ударного клина Модель большую часть бронетехники, 689 единиц (420 танков и 269 САУ), сконцентрировал в двух корпусах 47 и 41, которые должны были действовать на главном (ольховатском) и вспомогательном (поныровском) направлениях. Причем танки были переданы в 47 тк – 326 единиц, а штурмовые орудия и “фердинанды” в 41 тк – 207. Фланговые корпуса – 46 танковый и 23 армейский – получили сущие крохи, три дивизиона штурмовых орудий общей численностью 91 САУ. Для прорыва главной полосы обороны войск Рокоссовского (первой из трех) и отражения возможных танковых атак в качестве бронированного тарана в ударных соединениях Моделя – 47 и 41 тк – планировалось использовать два сильных войсковых формирования, укомплектованных новыми образцами техники: 656-й противотанковый полк (птип) под командованием подполковника Э. фон Юнгенфельда (41 тк) и 21 отбр полковника А. Бурмайстера⁴⁵, которая проходила по документам как “танковая бригада Бурмайстера”. Полк состоял из 216-го дивизиона штурмовых танков майора Б. Каля, 653-го дивизиона противотанковых самоходных орудий майора Х. Штейнваха, 654-го дпсау капитана К.-Х. Ноака и отдельной роты танков командования полка. Первый дивизион имел на вооружении 45 150-мм штурмовых самоходных орудий Stu Pz.IV “Брумбэр”, остальные два – по 45 САУ “фердинандов”, а отдельная рота – танки Pz.III с 50-мм и 75-мм орудиями. Кроме того, в качестве усиления (для прикрытия рот радиоуправляемых саперных подрывных машин) полк получил 10 штурмовых орудий.

Единственной бронетанковой частью 21 отбр был 505 оттб майора Б. Сованта, который должен был иметь по штату 45 Pz.VI. До начала боев “тигры” прибывали частями и ими меняли (танк на танк) Pz.III, которые временно находились в батальоне. Но к началу наступления в батальоне численность тяжелых машин до штата довести не удалось. В отечественной историографии Курской битвы, несмотря на значительное число публикаций, по вопросу использования и комплектования 505 оттб ясности нет. Главная причина этого – игнорирование авторами архивных материалов и использование большинством из них лишь открытых зарубежных источников, причем часто с ошибками. В отдельных работах встречаются откровенные противоречия, из-за которых даже трудно разобраться в том, какую же мысль автор хотел выразить. У М.Б. Барятинского читаем: «Первоначально батальон укомплектовывался по старому штату и к 20 апреля 1943 г. насчитывал 20 “тигров” и 25 Pz.III. К 6 мая несколькими эшелонами 505-й батальон был передислоцирован на Восточный фронт, в группу армий “Центр”. 10 июня 1943 г. танки Pz.III были из батальона изъяты, вместо них прибыли еще 14 “тигров”, и батальон достиг штатной численности в 45 единиц тяжелых танков». А тремя страницами ниже указано совсем иное: «К 5 июля 1943 г. в 505 оттб насчитывалось только 31 танк “тигр”. Дело в том, что 3-я рота этого батальона прибыла в район боевых действий только 8 июля»⁴⁶. Не понятно почему, если к 20 “тиграм” подошли еще 14 машин, их стало не 34, а полный штат – 45 единиц. При этом, по утверждению автора, до 5 июля в батальоне числился только 31. По мнению М. Коломийца, перед Курской битвой 505 оттб «имел положенное по штату количество “тигров” – 45 машин, при этом к утру 5 июля все были исправны»⁴⁷.

Каково же действительно было число “тигров” в батальоне Сованта в момент вступления в бой? В трофейных источниках отмечено, что до начала “Цитадели” все

⁴⁵ Другое название, встречающееся в трофейных источниках, “Бригада Бурмайстер”.

⁴⁶ Барятинский М. “Тигры” в бою. М., 2008, с. 143, 146.

⁴⁷ Коломиец М. “Тигры” на восточном фронте. (От Ростова до Курской дуги). – Фронтальная иллюстрация, 2005, № 6, с. 48.

запланированные Pz.VI в 9А не прибыли. Между 10 и 15 июня была получена последняя перед ее началом партия этих машин, но не 14 единиц, а 11. Ими заменили все Pz.III, имевшиеся в этот момент в батальоне, но затем, как уже говорилось, по личному распоряжению Моделя все “тройки” вновь вернули Саванту, так как поступление остальных “тигров” задерживалось. Поэтому утром 5 июля 505 отб пошел в атаку, имея в своем составе два типа боевых машин: 31 Pz.VI и 15 Pz.III. Остальные “тигры” (третья рота) прибыли только на четвертый день операции.

Немецкое командование учло значительную глубину и высокую плотность минных полей в советской обороне, которые были прикрыты мощной артгруппировкой особенно на главной полосе. Поэтому, чтобы снизить потери тяжелой бронетехники на первом этапе наступления, полку Юнгенфельда и бригаде Бурмайстера были приданы три роты дистанционно управляемых саперных подрывных машин в составе 72 Sdkfz 301 “Голиаф”, в частности 505 отб⁴⁸ получил 312 роту, а 656 тп – 313-ю и 314-ю.

Как уже упоминалось выше, кроме четырех танковых дивизий, 21 отбр и 656 полка в ударный клин армии были включены подразделения Sturmовых орудий (StuG/StuH). К 5 июля Модель располагал семью отдельными дивизионами, которые имели в общей сложности 218 StuG/StuH. Все дивизионы предполагалось использовать в составе дивизий первого эшелона. Это значительно больше, чем в войсках ГА “Юг”, нацеленных на Курск. У Гота и Кемпфа их насчитывалось всего три дивизиона и одна отдельная рота, в состав которых входили 106 StuG/StuH, или 10,4% от бронетанкового парка, выделенного для “Цитадели”. Из-за слабой бронезащиты и малочисленности они могли играть лишь ограниченную роль. Поэтому их предполагалось использовать главным образом в качестве средства усиления пехотных дивизий для прорыва на узких участках или как мобильный противотанковый резерв командиров соединений. Хотя не исключалась поддержка дивизионами и бронетанковых частей в ходе массированных танковых атак.

Если сравнить основные показатели состояния дивизий Моделя и Манштейна, нацеленных на Курск, то 9А заметно проигрывала соседям. Для примера возьмем такой важный аспект, как численность живой силы. 4 ТА и АГ “Кемпф”, включенные в боевой клин ГА “Юг” (также развернутые на главном и вспомогательном направлениях), получили пять корпусов – три танковых (3, 48 и 2 тк СС) и два армейских (52 ак и ак “Раус”), состоявших из 17 дивизий: 8 пехотных (57, 106, 167, 168, 198, 255, 320, 320) и 9 танковых и моторизованных⁴⁹ (3, 6, 7, 11, 19 тд, мд “Великая Германия”, мд СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, “Рейх”, “Мертвая голова”), в которых числился 297 831 военнослужащий, что на 106 076 больше, чем у Моделя. Естественно, это существенно повышало уровень укомплектованности личным составом соединений Манштейна. В среднем в пехотной и танковой (моторизованной по штату танковой) дивизии Гота и Кемпфа стояли на довольствии, соответственно, 16 357 и 18 552 человек, что превосходило однотипные соединения 9А на 4999 и 2195 человека, соответственно. А средняя боевая численность пехотной дивизии ударного клина Манштейна превышала такой же показатель в армии Моделя почти в два раза и составляла примерно 6344⁵⁰.

Главными причинами столь существенной разницы в укомплектованности дивизий были две: во-первых, общий дефицит живой силы и техники в Германии, во-вторых, разный уровень задач, стоявших перед группами армий. Наступление планировалось проводить на относительно узких участках, которые в общей сложности составляли менее 14% от всего советско-германского фронта. ГА “Юг” являлась основной, так как перед ней ставились более сложные задачи. До намеченного рубежа встречи в районе Курска войскам Моделя предстояло пройти примерно 75 км, а Манштейна – почти в два раза больше – 125. И каждый раз, когда возникал очередной виток напряженности, связанный

⁴⁸ На 24 июня 1943 г. батальон имел всего 835 военнослужащих, в том числе 24 офицера, 7 служащих, 184 унтер-офицера и 620 рядовых. К боевому составу относились 374 человека, в том числе 19 офицеров, 100 унтер-офицеров и 255 рядовых.

⁴⁹ Эти дивизии комплектовались по штату танковых.

⁵⁰ *Ньютон С.* Курская битва. Немецкий взгляд. М., 2006, с. 472.

с появлением данных о существенном росте обороны советских войск на Курской дуге, и Гитлер, и ОКХ в первую очередь усиливали южную группировку, а не северную. Наглядным свидетельством этого может служить изменения во второй половине июня: решение о передаче обещанных 9А 200 “пантер” в состав армии Гота. Поэтому ГА “Юг” из-за того, что ей были выделены значительные силы для проведения контрудара в районе Харькова, уже в конце марта обладала значительно большим потенциалом, чем ее сосед. А, получив в период подготовки “Цитадели” дополнительные силы, к 5 июля почти удвоила свою мощь. У Моделя такой возможности нарастить силы не было.

Кроме того, анализ трофейных источников свидетельствует, что на уровень укомплектованности 9А заметное влияние оказывали и субъективные факторы. В апреле практически месяц был упущен из-за непонятого и явно безосновательного игнорирования нужд армии руководством штаба ОКХ, лишь письмо Моделя на имя Гитлера сразу сдвинуло проблему с места⁵¹. Еще одним наглядным примером может служить затянувшаяся переброска последней партии пополнения – девять маршевых батальонов, которая была отправлена к Моделю еще до 28 июня, а из-за проволочек прибыла на место лишь в конце “Цитадели”. Ведь проблема с пополнением была основной, и о ней знали все ключевые фигуры вермахта еще весной, но никто, кроме штаба Эльверфельдта, и пальцем не шевельнул, чтобы ускорить его прибытие хотя бы к началу боев.

Были и другие факторы: отсутствие рабочих отношений между Клюге и Моделем, плохое состояние основных магистралей в орловской дуге, удары партизан по железным дорогам, многочисленные боестолкновения в течение мая–июня с ударными группами Центрального фронта, после которых дивизии понесли существенные потери и армия была вынуждена пополнять их целыми маршевыми батальонами (например, 258 и 7 пд)⁵², а также нерасторопность тыловиков.

В документах штаба армии встречаются просто вопиющие факты наплевательского отношения всех ответственных структур снабжения и комплектования к нуждам армии, готовившейся к генеральному наступлению. Например, в первых числах июля ее войска сидели на голодном пайке: не было снарядов для полевых и противотанковых орудий. Об этом Модель и его штаб с начала июня доносили во все инстанции, включая и Берлин. В ходе последней встречи перед “Цитаделью” Модель лично просил у Гитлера помощи хотя бы противотанковыми снарядами, но не был услышан. Уже в ходе боев он напомнит о своей просьбе начальнику штаба ОКХ К. Цейцлеру, однако до завершения операции их так и не получит.

Нельзя не коснуться и такой, на первый взгляд, “невоенной” причины снижения численности соединений 9А, как заболевания с последующей госпитализацией. В отечественной историографии минувшей войны данной проблеме, к сожалению, не уделено должного внимания, хотя она оказывала прямое влияние, в том числе и на ход боевых действий. В исторической литературе нередко можно встретить утверждение, основанное на воспоминаниях некоторых фронтовиков: “Солдаты в окопах не болели, их организм быстро адаптировался к экстремальным условиям”⁵³. Это правда, но не вся. Архивные документы свидетельствуют об ином положении дел, вот лишь один пример. С 1 по 30 июня 1943 г. общая убыль личного состава в 6 пд армии Моделя составила 288 солдат и офицеров (или 2,5% от ее общей численности), в том числе 216 выбыли по причине заболевания. Почти все госпитализированные, 215 солдат и унтер-офицеров, из боевых частей, что составило 6,8% боевого состава дивизии при средней численности пехотного батальона 407 человек. На первый взгляд цифра небольшая, но если мы вспомним, что в это время соединение не вело боев, то ее значение, безусловно, вырастет, так как она наглядно свидетельствует, что в тыловом районе (практически на отдыхе) лишь одна дивизия лишилась 53% состава пехотного батальона. А ведь таких дивизий в 9А была 21. Теперь проведем простую арифметическую операцию:

⁵¹ NARA, t. 312, r. 317, f. 7886050.

⁵² Ibid., f. 7886119.

⁵³ Курский областной краеведческий музей. Воспоминания врача 52 гв. сд ст. лейтенанта В.А. Михиной (Сомовой) “Медики в боях на Курской дуге”.

21 x 215, в результате получится 4536, т.е. цифра, сравнимая с численностью боевого состава 78 шд, самого сильного пехотного соединения Моделя. Естественно, не во всех дивизиях процент заболевших в это время оказался таким высоким, хотя в некоторых был и больше. Например, в 4 тд из-за вспыхнувшей эпидемии тифа в апреле 1943 г. число госпитализированных заметно увеличилось. В этот момент шло сосредоточение (первое) армии для нанесения удара на Курск, и дивизия вынуждена была больше чем на неделю приостановить переброску войск в район исходных позиций. Нетрудно представить, как бы развивались события, если бы “Цитадель” началась, как и планировалось, 28 апреля или 3 мая.

Такие же проблемы существовали и у советских войск. Весной 1943 г. в ряде дивизий первой линии Воронежского фронта из-за отсутствия необходимых жиров в рационе красноармейцы были поражены куриной слепотой. После заката бойцы начинали плохо видеть даже вблизи. В результате в соединениях, где было много уроженцев Средней Азии, сложилась напряженная обстановка⁵⁴. Их командование было вынуждено направлять в разведпоиски, в боевое охранение, в ночное дежурство у пулеметов только русских, украинцев и белорусов, которые оказались не столь подвержены воздействию этого заболевания. Ежедневные наряды и ночные дежурства выматывали людей. В условиях передовой вопрос стоял крайне остро, поэтому для его решения было привлечено два управления фронта – санитарное и тыла.

Еще один пример – случаи суицида в частях 5 гв. А под Прохоровкой. В ходе подготовки к контрудару 10 и 11 июля 1943 г. наблюдалась волна самоубийств среди младших офицеров, которые только прибыли из резерва и еще в боях не участвовали: командиров взводов, рот, минометных батарей. Нервные заболевания во всех действующих армиях были явлением постоянным и росли в зависимости от напряжения боев. Так, например, в начале боевых действий английских войск в Тунисе (в годы Второй мировой войны) количество нервных заболеваний было всего 2% от всех потерь. Однако по мере усложнения обстановки их число выросло до 15%⁵⁵. А в армии США за весь период Второй мировой войны было зафиксировано около 1 млн случаев нервно-психических заболеваний, и по этой причине около 525 тыс. военнослужащих уволили из армии⁵⁶.

Случаев нервных срывов и расстройств различной степени тяжести в Красной Армии за годы минувшей войны было немало даже среди опытных, закаленных военачальников. Хотя этот важный фактор боевой жизни войск в отечественной историографии практически не освещен. “Напряжение, потрясение – это случалось с людьми на войне и бывало не только тогда, когда мы только еще начинали побеждать, а и потом много позже, – нервы не выдерживали, – вспоминал маршал А.М. Василевский. – Помню, например, как на реке Миус⁵⁷, когда уже было подготовлено наступление в армии Герасименко⁵⁸. Герасименко не играл главной роли в предстоящем наступлении..., но его армия тоже выполняла наступательные задачи. И вот мы приехали утром накануне наступления на КП вместе с Толбухиным. Разговаривали с Герасименко. Всё было нормально. Я и до этого у него бывал. Он готовился к наступлению, и к нему не было никаких особых замечаний ни у меня, ни у Толбухина. В разговоре я его спросил:

– Ну, как у вас войска, как они себя чувствуют?

И вдруг он, срываясь на крик, сказал:

– Войска... Войска... – и, махнув рукой, добавил: – Ничего у нас не выйдет!

– Как не выйдет?

⁵⁴ Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной дуги, с. 98.

⁵⁵ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., т. 26. М., 1949, с. 20.

⁵⁶ Army Infomation Digest, 1957, Jan., p. 30.

⁵⁷ Донбасская наступательная операция, проводившаяся 17 июля – 2 августа 1943 г. с целью сковать силы вермахта и не дать перебросить резервы из Донбасса в район Курской дуги.

⁵⁸ Герасименко Василий Филитович (1900–1961) – генерал-лейтенант. С декабря 1942 по декабрь 1943 г. – командующий 28А Южного фронта.

– Ничего у нас не выйдет...

Мы вызвали в его присутствии начальника штаба армии, спросили его мнение о готовности частей к операции. Он сказал, что все в порядке, все подготовлено, есть уверенность в успехе. Тогда я вынужден был сказать в присутствии Толбухина, что раз командующий армией не верит в успех и заявляет об этом перед началом наступления, то нам придется поставить вопрос перед Ставкой о его отстранении, потому что с таким настроением идти в наступление невозможно.

И вдруг Герасименко как-то весь обмяк и произнес почти, можно сказать, со слезами в голосе, и вид у него был совершенно измученный:

– Извините, не знаю, что со мной случилось, как все это у меня вырвалось. Измаялся. Всю ночь не спал, думал, как выйдет, как получится... Изнервничался, издергался... Устал. Надо поспать.

В Ставку мы не доложили, от армии его не отстранили. Он выспался, пришел в себя и в дальнейшем выполнил причитающуюся на его долю задачу⁵⁹.

Все перечисленные выше проблемы по отдельности играли не очень существенную роль, но в комплексе их влияние на снижение боеспособности войск 9А в преддверии Курской битвы оказалось заметным.

Существовали ли перечисленные выше проблемы в ГА “Юг” при подготовке к Курской битве? Безусловно, но, во-первых, не все и не в тех масштабах. Например, такой крупной антипартизанской операции, как “Цыганский барон”, в которой был задействован весь 47 тк, не было. Хотя борьба с ними в это время активно велась и в северной части Житомирской области, где располагался один из крупных партизанских краев, и в других местах. Однако эти акции были существенно меньше по масштабу и, главное, без привлечения войск ударной группировки, сформированной для “Цитадели”.

Во-вторых, у Манштейна с Готом и Кемпфом не было столь напряженных отношений, как у Клюге с Моделем. Последний лично отвечал за успех “Цитадели”⁶⁰, поэтому делал всё что мог для них и даже в ущерб обороне на других участках своей группы. Примером может служить переброска из 1 ТА в 4 ТА 3 тд и 198 пд. Манштейн считал, что если уж принято решение о наступлении, то «надо сделать все для достижения полного и быстрого успеха операции “Цитадель”»⁶¹. И, следует признать, при подготовке к летним боям он твердо придерживался этого принципа. Хотя, еще раз подчеркну, для этого в его группе были созданы необходимые условия.

И, наконец, в-третьих, транспортная система и система снабжения ГА “Юг” была более отлажена и подвергалась не столь активным нападениям партизан, как это наблюдалось в орловской дуге. Да и проводить такие масштабные перегруппировки, как это приходилось делать Моделю, на юге необходимости не имелось.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на 5 июля 1943 г. армия Моделя была более слабой из двух группировок, привлеченных для реализации плана “Цитадель”. Это относится и к общему числу ударных соединений, выделенных для захвата Курска, и к их численному составу. Несмотря на значительные усилия по восстановлению дивизий 9А и неоднократный перенос начала наступления, военно-политическое руководство Германии оказалось не в силах удовлетворить даже минимальные потребности войск Моделя, т.е. довести его армию хотя бы до штатного состава. Для выполнения столь масштабных и крайне сложных задач она должна была получить еще и дополнительные средства усиления, в первую очередь артиллерию и тяжелую бронетехнику прорыва. Однако по объективным причинам сделать это не удалось, что явилось одной из главных причин провала генерального наступления вермахта на советско-германском фронте летом 1943 г.

⁵⁹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 456–457.

⁶⁰ По приказу Гитлера ответственность за проведение операции “Цитадель” на северном фланге Курской дуги была возложена не на Г. фон Клюге, а на непосредственного исполнителя – В. Моделя.

⁶¹ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 2003, с. 524.

**Списочная и боевая численность соединений 9-й армии
по состоянию на 4 июля 1943 г.**

№ п/п	Номер части, соединения	Списочная численность ⁶² 4.7.1943 г.	Боевой состав 4.7.1943 г. ⁶³
	20-й армейский корпус		
1.	251 пд	10385	2736
2.	137 пд	10396	2826
3.	45 пд	10770	3747
4.	72 пд	11846	3309
	<i>Итого:</i>	<i>43397</i>	<i>12618</i>
	46-й танковый корпус		
5.	102 пд	11436	2930
6.	258 пд	11249	3392
7.	7 пд	11871	3532
8.	31 пд	11692	3068
	<i>Итого:</i>	<i>46248</i>	<i>12922</i>
9.	“Группа Мантойфель”	3765	2025
	47-й танковый корпус		
10.	20 тд	12154	2831
11.	4 тд	12932	3549
12.	2 тд	13522	4062
13.	6 пд	11352	3121
14.	9 тд	14234	3571
	<i>Итого:</i>	<i>64194</i>	<i>17134</i>
	41-й танковый корпус		
15.	18 тд	12028	3479
16.	10 мд	12734	4322
17.	86 пд	11576	3650
18.	292 пд	10880	3714
	<i>Итого:</i>	<i>47218</i>	<i>15165</i>
	23-й армейский корпус		
19.	78 шд	15961	4545
20.	8 егерский батальон	1325	722
21.	13 егерский батальон	1243	685
22.	216 пд	10059	2802
23.	383 пд	11209	Дивизии – 2633 1/87 пп – 482 3/87 пп – 519 всего: 3634
	<i>Итого</i>	<i>39797</i>	<i>12388</i>
24.	12 тд	?	4456
	(резерв ГА “Центр”)		
	Общая численность:	240854(?)	76708

⁶² NARA, t. 312, r. 322, f. 7890958.

⁶³ Ibid., f. 7890973–7890975.

**Численность бронетехники в частях и соединениях группы армий
“Центр”, выделенных для операции “Цитадель” и во 2 ТА на 1 июля 1943 г.**

№ ⁶⁴	Марки бронетехники									
	Pz.If/ Pz.II	Pz. IIIk	Pz. IIIд	Pz. IVk	Pz. IVд	Pz.VI	Коман- дование	Всего танков	StuG/ StuH	Итого
9 армия										
23 ак:	–	–	–	–	–	–	–	–	63	63
185 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	32 ⁶⁵	32
189 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31 ⁶⁶	31
41 тк:	/3	20	16	40	12	–	3	94	207	301
18тд ⁶⁷	–	5	9	40 ⁶⁸	12	–	3	69	–	69
656 птп:	/3	15	7	–	–	–	–	25	145	170
653	–	–	–	–	–	–	–	–	45	45
дпсау										
654	–	–	–	–	–	–	–	–	45	45
дпсау										
216 дшт	–	–	–	–	–	–	–	–	45	45
313 и 314	–	–	–	–	–	–	–	–	10	10
ррусм										
Отд. рота ⁶⁹	/3	15 ⁷⁰	7 ⁷¹	–	–	–	–	25	–	25
177 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31 ⁷²	31
244 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31 ⁷³	31
47 тк:	/21	18	80	14	144	31	18	326	62	388
20 тд	/9	2	15	9	40	–	7	82	–	82
9 тд	–	–	26	4	45	–	5	80	–	80 ⁷⁴
2 тд	/12	8	32	1	59	–	6	118	–	118
21 тбр ⁷⁵ :	–	8	7	–	–	31	–	46	–	46
312 ррусм	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
505 отб	–	8	7	–	–	31	–	46	–	46
245 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31	31
904 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31	31
46 тк:	–	–	–	–	–	–	–	–	31	31
909 дшо	–	–	–	–	–	–	–	–	31	31
<i>Всего</i>	<i>/24</i>	<i>38</i>	<i>96</i>	<i>54</i>	<i>156</i>	<i>31</i>	<i>21</i>	<i>420</i>	<i>363</i>	<i>783</i>
<i>по 9А</i>										
Резерв группы армий “Центр” запланированный для 9 армии – “Группа Эзбека”										
4 тд ⁷⁶	–	–	9	1	73 ⁷⁷	–	6	89	–	89
12 тд	5/6	8 ⁷⁸	15	1	36	–	4	75	–	75
Всего по	5/6	8	24	2	109	–	10	164	–	164
“ГЭ”										
Итого для	5/30	46	120	56	265	31 ⁷⁹	31	584	363	947
операции										
2 танковая армия										
5 тд	–	–	17	–	76	–	9	102	–	102
8 тд ⁸⁰	/14	25	34	8	14	–	6	101	–	101
<i>Всего по</i>	<i>/14</i>	<i>25</i>	<i>51</i>	<i>8</i>	<i>90</i>	<i>–</i>	<i>15</i>	<i>203</i>	<i>–</i>	<i>203</i>
<i>2 ТА</i>										

⁶⁴ Распределение частей и соединений по корпусам взято из приказов 41 и 47 тк на наступление, журнал боевых действий (ЖБД) 23 ак и 46 тк: NARA, t. 315, r. 316, f. 000845; t. 314, r. 988, f. 0001148; t. 314, r. 988, f. 0001148; t. 314, r. 1086, f. 000445.

⁶⁵ Zetterling N., Frankson A. Op. cit., p. 65.

⁶⁶ NARA, t. 314, f. 689, f. 000383.

⁶⁷ Данные по 18 тд из донесения ее штаба на 17.00 4.7.1943 г. (NARA, t. 315, r. 718, f. 001024).

⁶⁸ В том числе один Pz.IVк находился во 2-й роте 18 противотанкового дивизиона.

⁶⁹ Из 25 танков роты, из 12 тд поступили в оперативное подчинение: 12 Pz.III с короткой 50-мм пушкой и 7-й с длинной 50-мм пушкой.

⁷⁰ 3 танка Pz.III с короткой 75-мм пушкой и 12 Pz.III с короткой 50-мм пушкой из 12 тд.

⁷¹ 7 танков Pz.III с длинной 50-мм пушкой из 12 тд.

⁷² Zetterling N., Frankson A. Op. cit., p. 46.

⁷³ 22 StuG 40 (с 75-мм орудием), 9 StuH 42 (с 105-мм орудием), данные на 3 июля 1943 г. (NARA, t. 315, r. 316, f. 00084).

⁷⁴ Боеспособных (NARA, t. 315, r. 545, f. 000527).

⁷⁵ Ее подчиненность 6 пд 41 тк и боевом составе: приказ 41 тк № 109 (NARA, t. 315, r. 316, f. 00084).

⁷⁶ На 30.06.1943 г. NARA, t. 314, r. 1128, f. 000147.

⁷⁷ Согласно записи в ЖБД 4 тд за 4 июля 1943 г., один Pz.IV к был откомандирован в 9А, (NARA, t. 315, r. 220, f. 000006).

⁷⁸ Еще 12 Pz.III к находились в 656 противотанковом полку и 1 Pz.IIIк – в 505 оттб (NARA, t. 315, r. 635, f. 000589).

⁷⁹ Еще одна рота “тигров” (14 единиц) прибудет 8 июля 1943 г.

⁸⁰ Резерв ОКХ, на фронте с 12.7.1943 г.